

Евгений Вермут

Когда рядом
НИКОГО...

Я бы им сказал!

Евгений Вермут

**Когда рядом никого...
Я бы им сказал!**

«Издательские решения»

Вермут Е.

Когда рядом никого... Я бы им сказал! / Е. Вермут —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854018-9

Миниатюры, или, если точнее, миниавантюры из жизни, а также заметки, статьи и другой литературный компот в ироническом обрамлении. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-44-854018-9

© Вермут Е.
© Издательские решения

Содержание

Проза в стиле «мини»	6
Предисловие	6
Пустота	7
Болезнь	8
Горшок	9
«Связи»	10
Человек из бетона	11
Траур	12
Ножик	13
Никто	14
Выхваченное	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Когда рядом никого... Я бы им сказал!

Евгений Вермут

© Евгений Вермут, 2017

ISBN 978-5-4485-4018-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза в стиле «мини»

Предисловие

Потому, как я человек, в общем-то, немногословный и, можно сказать, замкнутый, люди, которые пытаются со мной общаться, довольно быстро теряют ко мне интерес. Конечно, мне это не очень нравится, но я отношусь к таким вещам философски. У людей, ведь, тоже есть какие-то личные дела, более важные, чем стоять со мной, переминаясь с ноги на ногу. Я их понимаю и, когда они уходят по делам, я ухожу в себя. С этого момента у меня обычно начинается накапливание мыслей и... словарного запаса, а так как емкость для этого дела у меня ограниченная, то через некоторое время мысли и особенно слова просятся наружу. Не найдя в этот момент жертвы – собеседника, все накопленное выливается в небольшие, чаще иронические, рассказы

Моя, с позволения сказать, проза – это то небольшое, чему удается иногда вырваться из того замкнутого пространства, которое у нормальных людей называется мозгом

Пустота О «диалогах»

Иногда приходится поддерживать разговор, который тебе совершенно неинтересен, как неинтересен и сам собеседник, но ты улыбаешься и несешь чепуху, и говоришь вздор, и киваешь головой в ответ на такую же чепуху и такой же вздор.

Вы давно уже надоели друг другу.

Вы чувствуете натянутость в своих отношениях и все же упорно продолжаете перемешивать словесную глину.

Но кувшина не будет.

Об этом было известно заранее.

Но...

Он – гость, нанесший визит вежливости. Ты – добродушный хозяин. Ты бы с удовольствием широко зевнул и пошел бы спать, послав к чертям своего визитера. Впрочем, как и он. И снова пошло бы время, и обоим стало бы легче дышать.

Но почему-то нельзя.

Наступает очередная пауза, во время которой ты мучительно ищешь новую тему для странного разговора. Он – как ее продолжить.

Наконец, ни к селу, ни к городу, ты буквально высасываешь из пальца какую-то историю из своей или чужой жизни. Раздуваешь ее до ПРОБЛЕМЫ и чуть ли не радостно излагаешь ошалевшему от скуки гостю. Тот, философски глядя в потолок, в свою очередь достает оттуда ее решение, подкрепляя несуществующими фактами. Вы еще немного пережевываете «новую пищу для размышлений», постепенно замолкая... Некоторое время опять царит тишина.

И вдруг!

Озарение!

Вспышка!

Вы почти одновременно скидываете руки, смотрите на часы, громко восклицая о незаметно пролетевшем времени (а ведь еще столько неотложных дел и главное – у обоих).

Сборы не долги.

Лихорадочно одевающийся гость, вероятно опасаящийся просьбы остаться еще, что-то на ходу говорит о, приятно проведенном, времени и быстренько прощаясь, захлопывает дверь.

Разговор окончен.

Но это еще не все.

Каким-то чудом вы успеваете договориться на новую встречу. На этот раз вы поменяетесь ролями, не изменив, впрочем, сценария этого бесконечного спектакля, в начале которого вы были близкими друзьями, пока дороги ваши не разошлись в результате взросления или перемены работы. Это не важно. Однажды вы снова встретились, и спектакль с двумя действующими лицами начался. Ни один из вас не в силах оборвать представление. Может быть, из жалости к бывшему другу, но скорее из излишней светской вежливости.

Страшно, когда одинаково вежливы два уже ненужных друг другу человека.

Господи, до чего же мы бестолковы!

Февраль, 1997г.

Болезнь

Я заболел голодом. У меня нет денег, чтобы купить лекарства от этой болезни. Я лежу дома на разбитом диване, болею и злюсь на всех и вся. Выглянув в окно, злюсь на высокого полного мужчину с самодовольным лоснящимся лицом, деловито спешащего куда-то. Злюсь на женщину с большой хозяйственной сумкой, в которой, может, ничего и нет, но я все равно злюсь, потому что не знаю этого. Я хожу на работу, потом возвращаюсь домой и снова бросаюсь на диван, и болею, болею... Мне говорят: – Ты же работаешь, значит, что-то получаешь за свой труд? Да, я работаю. И получаю. «Что-то». Но у меня есть семья, есть дети, у которых тоже время от времени случаются приступы этой болезни. Я стараюсь, чтобы их было меньше. Поэтому предпочитаю болеть сам...

Голод.
Кто придумал такое дурацкое слово?
Голод —
Миллионы иссохших людей без еды и без крова.
Голод!
Перед ним даже Смерть отступает,
Что б не казаться смешной.
Голод —
Антарктический холод для голого
И горячих пустынь изнуряющий зной.

Голод —
Пожирание плотью своею себя же.
Голод —
Ты становишься легким, как пух,
Далеко не лебяжий.
Голод —
Унижение зеркалом
И бессилье сомкнувшихся век.
Голод —
Только кожа и кости,
Только имя
И название вида,
Если ты – Человек!

11.1999г.

Горшок Драма

Окраина города. Небольшая запыленная улочка. По краям ряд довольно ветхих трехэтажных домиков. В одном из них, на окне третьего этажа со стороны улицы, стоял горшок и внимательно смотрел вниз. Ему было скучно. Хотелось с кем-то поговорить, поделиться, излить душу, наконец. Но никто из проходивших внизу не поднимал головы из-за яркого летнего солнца, стоящего прямо над головой.

Горшок был стар. Он достаточно долго прожил рядом с людьми, он был мудр и любил прекрасное. Это прекрасное выглядывало из него в виде давно засохшего цветка, все еще сохраняющего остатки былой красоты и пепла от сигарет хозяина.

Вот его-то горшок и дожидался...

06.2001г.

«Связи»

Рассказ в стихах

По Америке бродят индейцы – они краснокожи,
Говорят они мало и важные речи их кратки,
Светит солнце им (ну, конечно же, красное тоже)
И поэтому все у них вроде бы в полном порядке.
А в Японии даже животные узкоглазы,
Узкоглазые рыбы в Японском плавают море,
И спускаются к ним узкоглазые водолазы,
У которых глаза от акул расширяются вскоре.
Зато в Африке черные люди живут-поживают,
Не нужны им черные маски для маскарадов,
Это очень удобно, но праздники редко бывают.
(А лицо, ведь, не снимешь, как маску, а надо б...)
В Средней Азии люди вообще желтолицы,
Потому, вероятно, что любят желтые дыни.
Я уехал бы к ним навсегда, но не в силах смириться
С тем, что желтые эти места окружают пустыни.
Есть в Европе страна, называется Белою Русью,
Но народ в ней нередко впадает в тяжелую спячку,
А когда просыпается (далее скажу уже с грустью),
Хлещет «белую» и страдает белой горячкой...

2002, 2004

Человек из бетона

Он не любил гор. Не любил оврагов. Ненавидел извилистые тропы. Всегда выбирал ровные, прямые дороги. Если куда-то шел, то только вперед, никуда не сворачивая. Ни что не могло его задержать в пути – ни чужое горе, ни чужое счастье, если они мешали ему достигнуть своей цели. Впрочем, помешать ему ничего и не могло, ввиду того, что зрение его было устроено особым образом – кроме собственной ЛИЧНОСТИ и конечной ЦЕЛИ, для него больше ничего не существовало.

Эта прямолинейность была и в его мыслях. Он всегда говорил, что думал. Когда он кому-то что-то доказывал – противоположной стороне не оставалось ничего, кроме, как согласиться с ним во всем, ибо спорить с таким человеком было бесполезно, какими бы абсурдными ни казались его доводы.

Он всегда слушал только то, что хотел слушать, слышал только то, что хотел услышать и видел только то, что хотел видеть.

Он никогда никому не лгал даже из жалости. Он был исключительно честным и этим был страшен, потому что честность эта была сравнима только с жестокостью.

Это был ЧЕЛОВЕК НОВОГО ВЕКА! Самый современный, самый крепкий, самый высокий. Такой же, как современный небоскреб: гладкая бетонная стена – лоб, а за стеной длинные прямые коридоры – извилины мозга.

Так он и жил.

Соответственно...

24.09.2004г.

Траур Политический рассказик

У одного человека часто бывали друзья. Это был довольно дружелюбный мужчина средних лет, неженатый. Он любил общение, любил принимать гостей, сам ходил в гости. Как-то раз, посетив своего товарища, друзья увидели на стене его квартиры портрет. Точнее даже не портрет, а пустую рамку для фотографии, перевязанную черной траурной лентой. Так как друг их ничего об этом не говорил, и продолжал себя вести, как ни в чем ни бывало – шутил, смеялся, обсуждал какие-то общие проблемы – никто не решился спросить, что же случилось. Да и не удобно было. Ну, не хочет человек, чтобы его жалели. Наверное, потерял настолько близкого ему товарища, а может быть и это скорее всего – женщину – свою тайную любовь, и скорее всего – замужнюю женщину, что объясняло отсутствие фото... Короче, все понимали – случилась драма, которой их друг ни с кем не желал делиться. Есть такой тип людей: любое горе, любую жизненную неурядицу они переносят и переживают в себе, хотя по внешнему виду никогда не скажешь, что у них что-то произошло.

Но проходили дни, недели, месяцы, а портрет все так же оставался висеть на своем месте. Друзья давно к нему привыкли и уже не замечали его. Для всех эта странная траурная рамка превратилась в одну из тех ненужных мелочей интерьера, которые «украшают» любую комнату, квартиру, в зависимости от причуд их владельцев. У одних – это статуэтки, вазочки, салфеточки, покрывающие собой все, что можно накрыть в доме. У нашего знакомого такой статуэткой был обезличенный портрет.

Прояснилось все совершенно случайно. Однажды, в один из праздников, друзья собрались в очередной раз, накрыли стол, сели, выпили, разговорились и тут у одного из них взгляд упал на запыленную рамку с черной перевязью наискосок. Чувство такта у пьяного человека, как известно, не такое, как у трезвого. Последовал вопрос. Дальнейшее было несколько неожиданным. Наш герой резко изменился в лице, опустил на стол поднятую, было, рюмку с водкой, осунулся и, глядя из-подлобья на окружающих, злобно, сквозь зубы, медленно растягивая, произнес одно короткое слово: – Ж-ж-жду!

12.02.2005г.

Ножик

Поучительная история

Был у меня один знакомый. Хороший парень. Спокойный. Когда не пьет. А когда выпьет... Ножики ему нельзя давать. Ни в коем случае. Не умеет он с ножиками обращаться. В детстве не научили, а взрослому уже трудно учиться. Как возьмет он в руки этот ножик, так сразу что-нибудь порежет. Или кого-нибудь. Помню, был он однажды на свадьбе. Как он туда попал, не знаю, может, просто зашел молодых поздравить. Ему и налили. На свою голову (простите за каламбур). Ну, так вышло. Наливали ему, а получилось – на свою голову. А это же свадьба, все-таки. Тут и посуда, и приборы всякие. Вилочки-ложечки-ножички... Выпил парнишка. Закусить потянулся, глядь – игрушка его любимая. В упор на него смотрит. А дальше, сами знаете, с техникой-то безопасности у него с малых лет не лады. В общем, поранил он несколько человек. Точнее, зарезал. Вместе с семьями. Суд был... С тех пор он здесь уже не живет. Говорят, что переехал куда-то далеко. В Сибирь, что ли. Там ему безопасней. Охраняют. И, главное, ножиков не дают. Берегут, чтобы не поранился.

Вот такая история.

14.02.2005г.

Никто

Ты втыкаешь в уши свои наушники.
Ты врубаешь музыку на всю катушку.
Ты отключаешься от мира,
Чтобы не слышать, что
Где-то, на белом свете...
« – Парень, как пройти на...»
« – Который час, не скажете?»
« – Гражданин, ваш билет?»
« – Молодой человек, уступите место бабушке...»
« – Помогите!!!»
Но ты глух.
Ты потерял на время свое сознание.
И... исчез.

Пускай ты едешь в метро, в автобусе, в трамвае или просто шагаешь куда-то своей такой уверенной и чуть танцующей походкой, все равно тебя сейчас нет. Ты не существуешь для остального мира. Мир потерял тебя.

Нет тебя.
Нет!
Ты никто.
Упокой, плеер, твою душу.
Аминь!

14.03.2011г.

Выхваченное

Стояли солнечные майские дни. Впереди было целое лето. Хотелось жить. Мне было 51, ей 26.

Я сидел на ступеньках возле двери своей квартиры и курил, когда они вышли. Он нес малыша, она выкатывала большую сумку на колесиках. Вызвали лифт. Ну, вот, уезжаем. – сказала она бодрым голосом. Хотя для «бодрого» этот голос был слишком тихим и потому казался немного грустным. Счастливы вам! – ответил я – Жалко, что уезжаете. Хорошие соседи были. Пришел лифт. Первым вошел муж. Она, входя, обернулась и мне в этот момент показалось, что в ее глазах стоят слезы. И взгляд был какой-то жалкий, забитый. Я растерялся и только чуть заметно кивнул ей. Было слышно, как там, на первом этаже, они выходили, как зазвенел домофон на открывающейся двери подъезда. Затем тишина... Но через минуту дверь снова открылась, и я услышал дробный стук шагов. Явно поднималась женщина. Мы встретились взглядами, когда ее голова показалась из-за лестничного проема. Я встал. – Я, тут, забыла... Она стояла лицом ко мне, но смотрела куда-то вниз, под ноги. – Хорошо, что ты вернулась. Мы как-то неправильно попрощались. Слишком быстро. Я пытался шутить, но ничего не вышло. Потом взял ее за плечи, поцеловал в щеку. – Вот, теперь все нормально! Я лгал. Нормально вовсе не было. Мы стояли и молчали. Я обнял ее. Притянул к себе... Не помню, как встретились наши губы. Страсть, накопленная нами за несколько лет, которые мы знали друг друга, вдруг выплеснулась наружу, будто лава из проснувшегося вулкана. Кружилась голова, дико билось сердце... Это длилось секунды. Мы всего лишь целовались. Наконец, она оттолкнула меня. Посмотрела с нескрываемой обидой: – Ну, где вы были раньше? Где вы были?! Почему...!

...Я хорошо помню тот день, когда забежал к ней за мелочью на метро. Несколько месяцев назад она родила сына. Он спал в кроватке. Она занималась по хозяйству. На ней была короткая широкая рубашка не по размеру, с широким горлом. Она покраснела, засуетилась. – Я с-сейчас. Здесь где-то должны деньги лежать. Прихожая была маленькая, поэтому мы стояли вплотную друг к другу. И когда она нагнулась открыть тумбочку, у меня перехватило дыхание. Под рубашкой у нее ничего не было. Было бы неверно сказать, что я лишился дара речи. Впрочем, бормотание тоже вряд ли можно назвать разговором. Я что-то отвечал ей, запинаясь, пока она копалась в шухлядках. О чем она спрашивала, я никогда уже не вспомню. Скорее, что-нибудь дежурное – про погоду, например. Здесь нет. – удивилась она, – Пойду на кухне поищу. На кухне она долго открывала-закрывала настенные шкафы, потом перешла в комнату. Проснулся и заплакал ребенок. Я взял его на руки. Она продолжала искать, принимая при этом такие немыслимые позы, что... А ведь она ждет чего-то, она хочет меня! Я почувствовал это всем своим существом: по ее суетливости, по тому, как долго она искала мелочь по всей квартире, по выражению лица, отрывистому разговору, наконец, по набухшим соскам такой прекрасной до умопомрачения груди... Нет, это невозможно описать. Как ни напиши, все будет выглядеть пошло. Это надо прочувствовать. Великое женское соблазнение.

Она давно мне нравилась, но я и думать не смел о какой бы то ни было близости с этим юным созданием. У нее не только была очень красивая фигура. У нее к тому же был очень добрый характер. Готовность всегда поговорить, понять тебя. Она приглашала меня несколько раз на кофе. Мы говорили с ней на разные темы, бывало, довольно откровенные. Я как-то спросил, как она относится к тому, когда женщина младше мужчины лет на двадцать, причем, женатого мужчины. То, что она ответила, меня слегка шокировало, но и немного обрадовало: – Ну и что. Главное, чтобы жена не знала. Она произнесла это таким простым обыденным тоном, словно это было в порядке вещей.

Они с мужем снимали квартиру – довольно дорогое удовольствие. Муж работал таксистом, уезжал рано утром и возвращался только в два-три часа ночи. Не знаю, может, ей просто не хватало мужской ласки. Мне хотелось верить в другое, более светлое чувство, о котором мечтает, я думаю, каждый мужчина в моем возрасте – еще раз пережить, переболеть, перестрадать то, ради чего, казалось бы, мы и родились на этой земле.

Я все же ушел. Деньги, наконец-то, нашлись. А я действительно очень торопился – надо было помочь другу-инвалиду в одном деле. Как мне не хотелось уходить, но и остаться я боялся, хоть и мечтал об этом.

Семья – есть семья. Тем более молодая. Разрушить ее означало бы нанести непоправимый вред всем ее членам. Я хорошо это понимал и решил ничего не предпринимать. Все было, как и раньше: «– Здравствуй», «– Здравьете», «– Погода хорошая», «– Все дорого»... и т. д. Думал, что привыкну, выдержу.

Не выдержал.

Незадолго до ее отъезда я завалился к ней пьяный и потребовал кофе. Она не прогнала меня. Молча, проводила на кухню, вскипятила воду, сделала кофе, присела в сторонке так же, молча, поджав губы, переминая пальцы... Она была РАЗОЧАРОВАНА! К своему ужасу, я заметил это и моментально протрезвел. Быстро допил кофе, извинился и ушел. Нет, не ушел, а сбежал. Как же мне было стыдно! Как мне было стыдно потом! Каким же я выглядел идиотом тогда. После этого случая я больше не мог смотреть ей в глаза. Стал избегать. И вот, она уезжает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.